

Проблема школьного воспитания в эмиграции¹⁾

Настоящая статья, посвященная вопросам школьного воспитания, совершенно оставляет в стороне все то, что связано с внешкольным воздействием на молодежь и что, в условиях эмиграции, приобретает особенное жизненное значение. Но ограничение моей статьи вопросами только школьного воспитания отнюдь не способствует упрощению проблемы, а как раз наоборот: взятая лишь в пределах школы, тема о воспитании, в самой уже постановке своей, страдает очень существенным, трудно победимым затруднением. Едва ли будет звучать очень парадоксально, если, я скажу, что тема о воспитании не вмещается в пределы школы: в то время, как в нашей жизни, в предпосылках и составе современной культуры, произошли чрезвычайные перемены, особенно сильно сказывающиеся на внутреннем мире подростящего поколения, школа, за небольшими исключениями, живет и ныне теми же задачами, какими она жила раньше. Тема о воспитании, когда-то поделенная между семьей и школой, вышла одинаково и за пределы семьи и за пределы школы, осталась вне всякой планомерной и сознательной регуляции. И школа и семья связаны ныне с темой о воспитании лишь частично, но, разумеется, это лишь ухудшает положение, так как и школа и семья, будучи бессильными и беспомощными в целом ряде существеннейших сторон в жизни детей и подростков, неизбежно становятся односторонними. Никогда еще в истории европейских народов не стояла так остро задача ц е л о с т н о г о воспитания, охватывающего не только все запросы детей, но и охватывающего их в системе целостной жизни. В интереснейшей педагогической утопии американского педагога К о (Сое²⁾) школа служит даже целям восстановления целостной жизни: через школу, в этой утопии, происходит преобразование жизни. Но, разумеется, только в утопии можно строить такую мечту: жизнь не обретет целостности, не разрешит своих диссонансов через школу, а наоборот — школа неизбежно будет испытывать влияние тех противоречий, которыми полна жизнь. Но это вовсе не снимает самой задачи воспитания: если в воспитании неустранимы все острые влияния неустроенной нашей жизни, то все же через воспитание мы можем подготовить молодежь к борьбе за лучшее устройство жизни. Общая задача воспитания

¹⁾Предлагаемый вниманию читателя этюд представляет обработку доклада, прочитанного автором на педагогическом съезде в Париже (19-20 мая 1929 г.).

²⁾ См. Сое: Social Theory of Religious Education.

в том и заключается, чтобы помочь молодежи обрести самих себя, овладеть теми силами, какими располагает наше время, воодушевить тем идеалом, во имя которого должно преображать жизнь. Перефразируя известную поговорку, можно сказать: *non scholae sed vitae esciusemur!* — пусть воспитывают нас не для школы, а для жизни. Школа может и должна стать органом *в о с п и т а н и я*, а не только одного образования, и тогда тема о воспитании может быть поставлена в школе во всем объеме, во всей своей огромной, порой трагической сложности. Но пока школа прежде всего должна добиваться образовательных результатов, тема о воспитании не только переходит в служебное и подчиненное значение, но она просто не вмещается в школу в целом ряде ответственных своих сторон. Наши дети получают ценную помощь от учителей в развитии и организации их интеллекта, но школа проходит мимо того, что больше всего волнует детей, в чем они остаются так ужасно беспомощны. Достаточно указать на трагическую тему о поле, которая особенно трудна именно в школьный период нашей жизни³). Я тут же должен оговориться, что я вовсе не являюсь сторонником системы так называемого сексуального просвещения, — я только хочу сказать, что школа не помогает детям именно там, где они совершенно беспомощны и предоставлены случаю. А между тем «устройство» этой темной и сложной стороны в подростковом возрасте является едва ли не самой существенной (и самой трудной) задачей, перед которой он стоит...

«Радикальное зло» современной школы заключается в ее *н е ц е л о с т н о с т и*, в том, что она поддерживает и укрепляет изоляцию интеллекта от других сил души, имеет в виду не развитие личности ребенка в целом, а развитие отдельных его сторон⁴). Школе очень трудно освободиться от требований жизни, которая ждет от школы определенных образовательных результатов. — поэтому винить школу в том, что она ограничивается узкой и маленькой задачей организации интеллекта детей, а из огромного и крайне ныне сложного вопроса о воспитании берет только весьма немногие, — не приходится. Еще меньше хотел бы я винить педагогов, которые, конечно, не могут сами изменить положение вещей. Но тем не менее приходится признать тот печальный факт, что задачи воспитания не вмещаются в современную школу, что воспитательное влияние школы проходит мимо самых основных и существенных проблем детской души и духовного развития детей.

Я вовсе не хочу здесь отрицать воспитательной работы школы или преувеличивать её значение: я хочу только сказать,

---

³) Этому вопросу посвящен мной специальный этюд, имеющий выйти в ближайшее время в издания УМСА Press под названием: «Беседы с молодежью по вопросам пола».

⁴) См. об этом статью мою: «О педагогическом интеллектуализме» («Русск. Школа за рубежом», кн. 4-ая), а также статью: «Об иерархическом строе души» («Труды Русск. Нар. У-та в Праге». Вып. II).

что в отношении к тем громадным и сложным задачам, из которых ныне слагается проблема воспитания, то, что делает фактически школа, является поверхностным, формальным и во многом бессильным. На детей нашего времени ложится огромное и тяжелое бремя, именуемое «современной культурой»; овладеть и переработать его детям очень трудно, и они так часто остаются придавленными его тяжестью, подхваченными теми или иными течениями жизни. Основное формирование личности, ее заветные думы, ее отношение к великим духовным проблемам времени, мимо которых невозможно пройти, все то, что составляет смысл жизни и ее центральное содержание, — все это проходит мимо школы. Мы помогаем детям в второстепенных вещах, а в основном и главном вопросе их личной жизни проходим мимо них.

Казалось бы, что вопросы школьного воспитания в эмиграции должны были бы рисоваться нам в особенно пессимистических тонах, так как наша эмигрантская школа оторвана от родной почвы, загружена массой учебной работы, совмещая программы местных школ и дополнительные занятия по национальным предметам. Если школа вообще является по преимуществу «учебным» заведением, то эмигрантской школе приходится быть таковым в сугубой степени. И если тема о воспитании не вмещается в рамки современной школы вообще, то это, казалось бы, особенно остро пришлось бы отметить в отношении к нашей эмигрантской школе. Фактически приходится сказать обратное: благодаря трудным условиям существования эмиграции, наша школа стала гораздо ближе и дороже детям, чем это можно наблюдать там, где жизнь идет вполне нормально. Перед нашей эмигрантской школой открылись воспитательные возможности, которые обычно закрыты для школы. Самой лучшей иллюстрацией этого может служить отношение детей к школе. Хотя наша школа, как и всюду, прежде всего и более всего у ч и т, но тяжкие условия, в которых пребывает школа, роднят ее с детьми, создают замечательное духовное сращивание детей со школой, какого не найдешь нигде. Мне уже приходилось отмечать однажды, что у наших русских детей стало очень глубоким и горячим чувство семьи⁵); за отсутствием нормального, родного быта дети прижимаются к семье, дорожат ею более глубоко и страстно, чем это бывает обыкновенно. Но именно отсюда у детей и особое отношение к школе: школа прежде всего для детей есть уголок России, уголок родной и неповторимой, бесконечно нужной для души русской атмосферы. То, что в школе учат, это ныне у наших детей неизбежно стоит на втором плане: вместе с семьей (а иногда, по эмигрантским условиям, больше чем семья) школа является единственным русским уголком, где получает свое питание детская душа. В силу этого к школе устремлены детские сердца

---

⁵) См. мою статью в сборнике «Дети эмиграции». Прага. 1925 года.

с такой удивительной силой, как это нормально нигде не встречается; помимо своей воли, не взирая на всю перегруженность образовательной работой, эмигрантская школа не является только учебным заведением, но стала реальным органом воспитания. Не будем себя обманывать: это создано не строем школы, не усилиями педагогов, не новым духом школьной жизни, а нашей трагедией, этой общей бедой, которая придавила и семью и школу. Наши дети на каждом шагу видят, как жметесь наша эмигрантская школа в приспособлении к местным условиям. Наше великое русское горе, наша оторванность от родной земли, так реально, так остро переживается и старшими и младшими, что все чувствуют свое единство. В нашей школе открылась возможность целостности — не в силу внутренних или внешних реформ, а в силу единства нашей судьбы, нашего жизненного пути. Это духовно объединяет нас с детьми и в школе и в семье и создает возможность более глубокого и всестороннего воспитательного воздействия нашего на молодое поколение.

Конечно, это только создает возможность воспитательного воздействия, но не обеспечивает его реального существования. Но важно признать основной факт, нами отмеченный, важно учесть новые перспективы, жизнью нам открытые, чтобы тем настойчивее и планомернее осуществить те задачи, которые стоят перед нами.

Я хотел бы предварить характеристику основных вопросов школьного воспитания в эмиграции несколькими словами относительно современной нашей молодежи. Мы должны отдать себе отчет в том, что наша молодежь совсем не та, какую мы знали лет десять назад: помимо тех глубоких потрясений, которые принесло с собой пребывание в эмиграции, в молодежи есть черты, которые обусловлены, вероятно, общей исторической обстановкой, так как она очень сближает нашу молодежь с молодежью в других странах. Я не имею в виду давать исчерпывающую характеристику молодежи и ограничусь только тем, что нам непосредственно важно для общей нашей темы.

Для нашей молодежи, а тем более детей, отрыв от родины, отсутствие живой и глубокой связи с родной стихией, превращение России почти в миф или сказку лишает душу того питания, без которого трудно созреть и сформироваться личности. Русский быт, сохранённый кое-где в семьях, для огромного большинства детей подростков остается неведом или известен лишь по рассказам. Семья во многих случаях настолько задавлена борьбой за существование, живет в настолько ненормальных условиях, что она не в состоянии не только заменить то, что отняла жизнь (русский быт и национальную стихию), но не может часто дать даже то, что обыкновенно давала средняя семья. Таким образом наши дети и подростки лишены того живительного и бесценного материала, который им могла бы дать родная земля, родной быт и семейная нормальная среда.

Как растения, пересаженные на чуждую почву, юные души остаются без питательных соков, им необходимых. Они на поверхности жадно вбирают в себя все то, что дает им заграничная обстановка, но глубины души, требующие того, что соответствует национальному типу, остаются без питания, раскрываются односторонне и неполно.

С самых малых лет огромное большинство наших детей и подростков живут в очень тяжелых условиях, под угрозой нищеты, при полной необеспеченности родителей. Русские эмигранты частично пускают корни в той или иной стране, но даже при недурных условиях приходится жить скученно, без возможности удовлетворить запросы детей; часто они должны посылать детей на заработки. Жизнь предстает перед нашими детьми и подростками обнаженной, во всей своей неприглядности, часто отвратительности, — и при том так рано, что детям нечего противопоставить этой суровой правде жизни. Общая всему теперешнему поколению трезвость и практицизм особенно сильно проступает у нашей молодежи, которая поневоле на первый план ставит вопросы внешнего устройства. Практицизм переходит в упрощенное понимание жизни, трезвость — в отбрасывание всего, что прямо к жизни неприменимо. К этому часто присоединяется суровая (порой нами же подсказанная) критика старшего поколения, приводящая к беспринципному отвержению культурных ценностей. Оттого в современной молодежи поражает ее некультурность, выпадение огромного мира, которым жили мы раньше — мира истории и искусства: для нее неведомы ни факты, ни идеи общечеловеческого прошлого (что не устраняется, кстати сказать, даже прохождением высших учебных заведений, которые за границей совсем не дают того, что давали наши высшие учебные заведения). Духовные горизонты ограничены, умственная бедность обуславливает общую духовную беспомощность. В то же время в молодую душу входит, как проводник могучего, но духовно бесплодного, а часто двусмысленного влияния, — кино и спорт. Трудно учесть влияние этих видов развлечений; достаточно сказать, что кино вносит новый материал в самый состав души, как бы обнажает то, что раньше было знакомо издали, навязчиво прививает душе ряд образов, которые мутят душу с силой, которой никогда не знало раньше искусство. Тайна искусства в кино (пока, по крайней мере) упрощена, сведена к ничтожному минимуму, а оседание образов в душе так велико, расшатывание моральных начал так могуче, огрубляющая схематизация души так упрощает социальную перспективу, а заманчивая, несравнимая ни с чем рельефность, красота и очарование картин так велико, что пока перед кино пасуют все искусства. О действии спорта на душу недавно очень хорошо писал G i e s e в своей интересной книге «Geist und Sport»⁶); он правильно

---

⁶) См. подробный реферат в «Бюллетене Религ.-Педаг. Кабинета» («Вестник Русок. Христ. Студ. Движения». Май 1929 г.).

связывает действие спорта со всей системой жизни в больших городах... Психические деформации, производимые совокупностью указанных явлений, могут быть вкратце сведены к обеднению и измельчанию культурных процессов в юной душе, к обособлению в них общечеловеческого за счет все растущего утилитарного профессионализма. Нам приходится вернуться к лозунгу П и р о г о в а, у него подсказанному обще-гуманитарными идеями, в наше же время вновь получившему свое значение по другим мотивам: нам нужно в детях воспитывать «человека», развивать в нем любовь к культуре, преодолевать техницизм, поспешную практичность и упрощенный подход к жизни.

Было бы, однако, неверно, если бы мы, в характеристике нашей молодежи, остановились на том, что было сказано выше. Низкий культурный уровень, умственная беспомощность, увлечение спортом и кино, упрощенное отношение к жизни в о в с е н е о з н а ч а е т д у х о в н о й п у с т о т ы нашей молодежи. Наоборот, мы должны признать за ней очень глубокую и даже страстную духовную жизнь, которая, однако, в силу умственной вялости и беспомощности, остается под спудом. Поистине можно сказать о нашем молодом поколении словами поэта: «тяжелая ему досталась доля». Духовный багаж, который скрыт в глубине юной души, на редкость богат и сложен, но он давит своей нераскрытостью. Чем больше имею я общения с подростками, тем неотразимее у меня это убеждение. Поразительна у них какая-то новая целостность души, отсутствие той риторики, которая отравляла, интеллигенцию XIX века, жажда целостной жизни, конкретного выявления всего того, что ценно (иначе все это для нее будет просто игрой слов и пустою фантазией). При духовной беспомощности, при трудности понять себя, при огрубляющей упрощенности доступного мира культуры, душа, обремененная неразобраным духовным багажом, нередко уходит в цинизм или пессимистический надрыв. Душа тоскует, ищет всецелой, огненной жизни, не хочет утешения в вымысле, требует реального, конкретного воплощения в жизнь того, что ценно, отбрасывает все, что кажется фальшивым, риторичным, срывает все маски, имеется над всякой фразой — и в то же время мучительно тоскует о жизни полной, радостной, целостной, горячо и страстно ищет «настоящей», «подлинной» правды...

Остановимся на этой беглой характеристике нашей молодежи и перейдем к основной теме нашей — к вопросу о путях школьного воспитания в эмиграции. Я остановлюсь лишь на трех задачах, в соответствии с указанными чертами нашей молодежи. В связи с первой её особенностью встает перед нами задача охранения и развития «русскости» — русской стихии в детях. Теперь часто и глубоко говорят и пишут о денационализации детей, но я с сожалением должен сказать, что эта огромная тема почти исключительно берется со стороны порчи

или утери родного языка. Никто не будет спорить, что с языком связаны важнейшие процессы раскрытия и цветения тех сил в душе, которые соединяют ее с национальной традицией, с душой России. Но сферой языка не исчерпывается вовсе «денационализация» детской души, я даже готов сказать, боясь заслужить упрек в парадоксальности, что языковая денационализация вовсе не есть самое страшное. Потеря языка восстановима — это хорошо мы знаем и по прежним поколениям и по живому опыту последних лет; там, где денационализация коснулась лишь языка, как средства выражения внутреннего мира, там еще не произошло ничего трагического. А если наши дети, — этот пример очень часто приводят теперь, — не понимают стихов Пушкина:

Зима. Крестьянин торжествуя,
На дровнях обновляет путь...,

не понимают ряда слов в этих строках (не представляют русской зимы, не знают быта и жизни наших крестьян, не понимают, что такое «дровни» и т. д.), то хотя это печально, но не следует забывать, что это есть та часть нашей беды, с которой легче всего справиться. Я не хочу этим сказать, что мы фактически справляемся с этой бедой: когда подумаешь, что только 10% русских детей во Франции так или иначе связано с русской школой или внешкольной заботой о них, то нельзя не прийти в ужас от того, как дети отходят от родного языка. Конечно, ничто не может в этом деле заменить школу, — и поскольку во Франции русская школа охватывает не больше одной пятой детей, связанных с русской средой (остальные 4/5 обслуживаются разными видами внешкольной работы), постольку мы не можем не испытывать величайшей тревоги. И все же не следует забывать, что выветривание национальной стихии во все не ограничивается одной языковой сферой, а захватывает самую жизнь души, ее основные установки, интересы, — то, что составляет в нас «русскую стихию». Вы встретите теперь не мало подростков (особенно во Франции), которые правильно говорят по-русски, читают русские книги, но у которых отодвинута или заглохла вся та, обычно незамечаемая, но фактически чрезвычайно важная связь с родной стихией, которая касается духовного типа детей. «Национальное» в нас, конечно, ярче всего выступает в языке и через язык, но оно глубоко определяет тональность душевной жизни, истоки ее интересов и жизненных реакций, ее основные интуиции и искания. Пушкин, в одном из писем признающийся, что для него французский язык является «plus notre que le russe», остается глубочайшим выразителем русского духа, заключавшим в себе лучшие силы русской души. Выветривание этих национально формирующих процессов, замена их близкими, но иными по самому своему существу, по своему психо-

логическому контексту, связаны, конечно, с упадком русского быта в эмиграции, с упадком семейной жизни, а больше всего — с пребыванием на чужбине. Но и здесь борьба возможна, — только она будет идти гораздо глубже и плодотворнее, если мы и здесь будем свободны от одностороннего интеллектуализма. Больше всего лично я придаю значение вовсе не русскому языку, а р у с с к о м у и с к у с с т в у. Я мог бы психологически обосновать этот чрезвычайно важный в практическом отношении тезис, но, к сожалению, для этого у меня нет времени, и я позволю себе просто выставить утверждение, что тип и склад русской души легче всего становится доступным нашим детям через искусство. Конечно, поскольку язык является материалом и с к у с с т в а, а не знания, постольку и он является могучим проводником национальной стихии в душу детей. Особое значение придаю я русской песне, этому незаменимому, в некотором смысле исключительному проводнику русской стихии. Но и драматические постановки (из русского быта, особенно пьес О с т р о в с к о г о), инсценировка, ознакомление с русской инструментальной музыкой, русской живописью, церковным зодчеством имеет громадное значение. Как хорошо, что вот уже пятый год русские дети — к сожалению не везде — празднуют «День русской культуры»! Мне бы хотелось выразить пожелание, чтобы все дни, связанные с русской культурой, отмечались школой, как праздник, — хотя бы тем, что в этот день в течение одного часа отменялись уроки и происходило чествование памяти великих русских людей⁷⁾...

Но я хорошо понимаю, что в полном своем объеме борьба с денационализацией, как я ее разумею, не под силу школе — благодаря ее чрезвычайно перегруженности учебными занятиями. Наши школы непременно должны становиться русскими и культурными центрами, быть проводниками не только знаний, но и русской культуры во всем ее огромном, необозримом содержании. Но можно ли это сделать? Педагогический персонал боится отвлекать детей от прямой их работы, и практически он, пожалуй, и прав, но это только показывает, что трудно школе на первый план поставить задачи воспитания, а не образования...

Перейдем ко второму комплексу проблем, связанных с особенностями нашей молодёжи. Работа школы, сама по себе, есть организация интеллекта, привитие культурных навыков, приобщение детской души к родной и общечеловеческой культуре. Все это верно, и в нормальных условиях можно было бы говорить, например, о лучшей постановке внеклассного чтения, о развитии творческих сил детей, о лучшем использовании исторического и литературного материала в целях развития и укрепления у детей культурных навыков. Но в условиях, в которых живут дети и подростки эмиграции, мы не можем огра-

---

⁷⁾ См. «Культурный календарь» в № 10 «Вестника Педагогического Бюро» за 1929 г.

ничиться этим: сравнительно с фактическим обеднением интересов и запросов детей, вся эта нормальная школьная работа оказывается недостаточной. Тут нужна более глубокая и более разносторонняя работа. Говорю, конечно, не о загрузке детей каким-либо новым материалом, что совершенно невозможно, а об искании школой других методов работы с детьми. Боюсь заслужить упрек в прекрасодушии и неосведомленности с фактическими условиями работы школы, но позволю себе высказать убеждение, что даже при крайней теперешней загруженности преподаватели различных предметов могли бы выделять в среднем около двух часов в месяц (по каждому предмету), — что дает уже не малое количество времени в целом, — для бесед с детьми об их жизни, их планах, их отношении к разным явлениям жизни. Упрощенный и узкий практицизм, заслоняющий от детей более широкие перспективы, в сущности нереалистичен и близорук — и это нетрудно вскрыть перед детьми, анализируя те или иные факты. Детский практицизм нужно не осмеивать, не прогонять, а перерабатывать, углубляя их понимание жизни. Дети очень чутки к тому, что говорят им именно преподаватели. В недавно опубликованном исследовании д-ра Weigla, специально посвященном уяснению оценок у подростков, чрезвычайно рельефно выступает зависимость оценок у школьников от их отношения к преподавателям. Этот факт не трудно установить при ближайшем знакомстве с внутренним миром подростков, посещающих школу; для наших русских школьников это стоит еще значительно выше, в силу указанных выше условий. Поэтому, входя во внутренний мир детей, проводя с ними беседы на общие темы, вне специальных школьных занятий, учителя могли бы чрезвычайно много сделать для смягчения того упрощенного и огрубляющего материализма, который после войны всюду ужасно понизил моральный уровень, а на детях сказался особенно печально.

Очень большую и светлую роль могла бы сыграть школа в деле организаций развлечений для детей. Конечно, миновать здесь кино, спорт и танцы — невозможно, а педагогически правильная постановка этих видов развлечений очень еще слаба. Так, фильмы, изготовляемые под руководством и по заказам просветительных и педагогических организаций, обыкновенно бывают лишены занимательного для детей сюжета, часто бывают совсем бессюжетны. Таковы, напр., все фильмы с видами природы... Между тем все хорошо знают, что путешествия — одно из любимых видов детского чтения — тем и интересны детям, что там всегда есть занимательный момент, есть лицо, которое всюду действует. О спорте, о том, что его формы развиваются вне всякого педагогического подхода к ним, нечего и говорить. Лучше обстоит дело с танцами, но все же недостаточно. Здесь особенно приходится признать, что школа как бы плетется за жизнью, будучи не в состоянии оказать на нее

большое влияние. Воспитательная инициатива здесь вырвана из рук семьи и школы, школе приходится лишь умерять и кое-как приспособлять к педагогическим требованиям то, что выдвигает жизнь. Все же можно считать бесспорным, что именно наша эмигрантская школа, где дети и учителя объединены общей тяжестью жизни, общими страданиями и испытаниями, дает особенно благоприятные условия для того, чтобы разбить стену, стоящую между школой и жизнью, помочь детям сбросить с себя бремя мелкого и расчетливого практицизма, чтобы овладеть более глубоким пониманием жизни. Воспитание «человека» в детях, расширение их кругозора, проверка и углубление их жизненного опыта, развитие вкуса в отношении к развлечениям, освобождение от ядовитых чар современных развлечений — все это более или менее по силе нашей школе. Я думаю, что именно здесь могут быть найдены школой новые пути, могут быть педагогически плодотворно использованы те новые связи детей с школой, которые создались в эмигрантских условиях.

Я обращаюсь к третьему, самому сложному и трудному комплексу задач, стоящих перед нами в отношении к нашим детям и подросткам. Я уже говорил о том, что духовный мир наших детей вовсе не пуст и не беден, что, наоборот, духовный склад их имеет черты, каких давно не знала история. Новая, горячая и подлинная целостность, живой и конкретный реализм, не допускающий никаких абстракций и риторических фикций, но тем сосредоточеннее и горячее принимающий то, что жизненно и подлинно, — все это драгоценный дар нашим детям эпохи, все это задатки большого и продуктивного будущего. Но рядом с этим, как нами было уже отмечено, стоит чрезвычайная беспомощность, неумение понять и выразить себя, неумение овладеть тем, что есть в душе. Это сочетание богатой духовной одаренности, идущей от нашей эпохи, и беспомощности — дает два одинаково опасных уклона, которые могут свести к нулю все то ценное, что хранят в себе детские души. Дети могут ун т а в м е ч т а т е л ь н о с т ь, отрешенность от жизни, духовную экзальтацию, односторонний аскетизм, или, наоборот, могут уйти в к р а й н и й и б л и з о р у к и й р е а л и з м, ухватиться за пустяк, за ничтожное дело и разбить, раздробить великую духовную силу, в них живущую, на кусочки, на мелочи. Жизнь детей и старших так сурова и беспощадна, она такой высокой жизненной техники, острого Ии проницательного знания реальных условий; поэтому дети должны владеть жизнью, знать ее технику, ее маленькие и большие законы. Но кроме знания жизни и овладения ее техникой, надо дать простор и тому духовному богатству, которое живет в душе и которое, не находя творческого выхода, является не простым балластом в душе, но давит и искажает душевную жизнь. Задача, которая стоит перед молодым поколением, заключается в том, чтобы найти здоровое,

устойчивое и творческое сочетание практического реализма и духовной содержательной жизни. Недостаточное развитие одной из этих двух сил неизбежно ведет не только к односторонности, но и к надрыву, к внутренним искривлениям. Но если о развита и укреплении практических навыков достаточно все же заботится жизнь, то что сказать о развитии духовной жизни у молодежи? Она предоставлена случаю, движется обыкновенно по случайным путям, — и то глубокое, исторически значительное, содержание, которое заключено в душе молодежи, так часто остается нерасцветшим, нераскрытым, лишь обременяющим душу. Отчего это так? Ответить на этот вопрос, осветить его с достаточной глубиной возможно лишь при уяснении того, что есть духовная жизнь в нас. Здесь, конечно, совершенно неуместно это делать, и я могу только отослать читателя к своей статье «О религиозном воспитании в семье»⁸⁾, где я пытался психологически проследить ритм в духовной жизни подростков. Сейчас же могу только кратко указать, что очень существенно понять и признать, что и в детстве и в отрочестве идет своя духовная жизнь, поднимающая юную душу над тем, что ее окружает, и требующая связывания текущей жизни с вечным и живым «Смыслом». В духовной жизни, слагающейся глубже психологической поверхности, душа ищет Бесконечного, томится о том, что не дано ей непосредственно в жизни, что является запредельным, ищет сочетания этого запредельного и вечного с текущей жизнью. Конечно, своего подлинного и всецелого выражения эта духовная сторона в нас достигает лишь в религиозной жизни, но она не исчерпывается ею. Моральная, эстетическая, познавательная жизнь суть тоже формы духовной активности, так что духовные запросы и искания могут получать свое разрешение и на этих путях. Вся сила и ценность религиозной жизни, впрочем, выступают именно в том, что в религиозных переживаниях духовные запросы получают наиболее полное и плодотворное выражение, так как религиозная жизнь, включая в себя моральную, эстетическую и познавательную работу души, связывает их с Божеством, как Абсолютной Основой добра, красоты и истины. Вне этого моральная, эстетическая, религиозная жизнь могут быть всегда субъективированы, могут быть поняты, как чисто внутренняя жизнь духа, как продукция самого человека. Реальное значение, онтологический смысл этих форм нашей жизни может быть удостоверен до конца лишь в религиозной области — здесь и проходит существенное и принципиальное различие религии и философии. Философия стремится уяснить духовный мир человека и вскрыть его единство, но делает это она посредством мысли, всегда может быть субъективирована или во всяком случае истолкована в тонах так наз. трансцендентального идеализма, — религия же и есть н е п о с р е д-

---

⁸⁾ См. «Вопросы религиозного воспитания и образования». Вып. III.

ственное пребывание в мире Высшей Реальности. Основная сила и основная функция религии как раз и заключается в том, чтобы заполнить душу этим глубоким и бесспорным переживанием Высшей Реальности, от которой получают свое реальное значение и все духовные ценности.

Если признать это, то без всякого преувеличения можно сказать, что основная духовная тема, которой живет наша молодежь, есть р е л и г и о з н а я т е м а. Действительно, главный вопрос, которым живет и мучается молодежь, есть отделение реального от нереального, отбрасывание всяких фикций, преодоление всякой риторики и фантастики. Только то и ценно для нашей молодежи, что подлинно и реально. Как бы ни была чарующа сила созданий искусства, как бы ни была высока ценность моральных идей или познавательных построений, — но только то, что реально, может претендовать на руководящее значение в их жизни. Так мыслит наша молодежь, т а к о в а е е о с н о в н а я д у х о в н а я у с т а н о в к а: все, что не может быть показано, как реальность, есть фантастика, риторика и ложь... Наука оправдана, всецело и навсегда оправдана перед молодежью благодаря технике, — и то, что дает техника, то должна быть дано и для других сфер духовной жизни. Добро должно быть показано, как реальная сила, как действительный фактор жизни; как бы ни была прекрасна (с внутренней точки зрения) идея добра «сама по себе», но если она неприложима к жизни, не проводима в жизнь, не может победить жизнь — она есть фикция и обман. Молодежь нуждается в том же самом «оправдании добра», о котором уже однажды писал В л. С о л о в ь е в, но совсем в другом подходе. Вл. Соловьев стремился показать, что добро есть космическая и историческая сила, наша же молодежь нуждается несколько в другом «оправдании» добра, — а именно в действительности добра в социально-историческом смысле... Не буду углублять эту важную и интересную тему, скажу лишь, что реальность моральной жизни (под подозрение у молодежи взята именно эта область) не может быть показана в тонах утилитаризма. Время утилитаризма, это наивной и близорукой системы, безвозвратно прошло для философии, хотя молодежь нуждалась бы именно в утилитаристическом «оправдании добра». Но то торжество низших сил, неправды, эгоизма, которое царит в современной жизни, делает всякий утилитаризм наивным и смешным: добро не торжествует в наше время нигде, и этический утилитаризм просто не возможен даже для опыта подростков. Не м а л о нашей молодёжи уходит поэтому в цинизм, в надрыв аморализма, в меланхолический пессимизм и культ бессмыслицы, и единственным спасением для духовных исканий молодежи было бы признание, что жизненная нереальность добра в наши дни не устраняет его высшей реальности. Такой высшей реальностью Добро обладает лишь в Боге, как Абсолютной Основе бытия, и религиозная

жизнь несет душе такое глубокое и непобедимое чувство силы и правды Добра, которое сияет душе в самой темной, самой жуткой жизненной обстановке. Религиозная жизнь снимает самые тяжелые сомнения, угнетающие своим ядом молодую душу, верящую только реальности; на почве религиозной жизни восстанавливается правда всех духовных исканий молодежи, открывается широкий и свободный простор для всей духовной жизни. Поэтому единственный путь, на котором может раскрыться и расцвести духовная жизнь нашей молодежи, есть путь религиозной жизни. Иного пути для нее, при том конкретном реализме, который ей присущ, при отвержении всего, что есть фраза, фикция, мечта, создание нашего духа, — нет перед молодежью. Тяжесть нашего времени, основное духовное бремя, которое оно несет, заключается в ужасающих диссонансах современной жизни. Тот наивный, благочестивый дуализм, которым еще недавно жило человечество — дуализм высокого христианского идеала и несправедливой жизни, основанный на защите каждым своих интересов и прав, — этот дуализм обнажен (после великой войны) так, что удерживать его могут немногие люди. Наше воспитание заключалось раньше в том, чтобы приобщать детей к миру идеала, развивать лучшие, благородные силы в них, и пока противоречия жизни не были слишком обнажены, это было возможно. Сейчас же, когда дети наши так близко видят, что жизнь построена, вовсе не на том, чему учит христианство, при глубоком отвержении ими всякой «словесности», мы можем дать простор лучшим силам души детской лишь на почве религиозной. Правда Божия, не вместившаяся в жизнь, остается правдой, ибо есть Господь и останется Он Владыкой жизни и бытия. От цинизма, аморализма, меланхолии и пессимизма мы можем спасти детские души лишь живой и глубокой религиозностью. Так понимаю я главную трудность в духовных путях нашей молодежи — и чем больше я работаю среди нее, тем неотвратимее встает передо мной та именно картина, которую я сейчас рисовал.

Что же может сделать школа для того, чтобы помочь нашим детям в этом отношении? Как может эпоха уберечь детей от огрубения и пошлости, от меланхолии и цинизма, охранить высшие силы детской души, укрепить и углубить их духовные стремления, — иначе говоря, что может дать школа для религиозного воспитания детей? Подчеркиваю слово о религиозном воспитании, потому что религиозное образование школа дает так же, как давала раньше. О тех улучшениях в деле постановки религиозного образования, которые являются назревшими и желательными, много ценного было сказано на втором педагогическом съезде в Праге⁹⁾. Но оставим вопросы религиозного образования в стороне, обра-

---

⁹⁾ Рел.-Пед. Кабинет издал протоколы комиссии по религ. образованию в полном объеме. Адрес Кабинета: 10, B-d Montparnasse. Paris XV

тимся к теме религиозного воспитания. Надеюсь, я никого не обижу и не скажу ни малейшей неправды, если решусь утверждать, что с религиозным воспитанием в наших школах обстоит дело **о ч е н ь п л о х о**. Стоя близко к той школьной молодежи, которая связана с Русским Христианским Студенческим Движением и которая образует кружки девочек, кружки мальчиков или так наз. «Содружество» (где вместе участвуют и юноши и девушки до 18—20 лет), я решаюсь утверждать, что наша школа очень мало дает именно для религиозного воспитания. Но, быть может, это дело только и может плодотворно идти во внешкольной среде, т. е. «на свободе»? Я совсем не склонен отрицать фундаментального значения свободы в деле религиозного воспитания, но принцип свободы говорит только о том, чего не должно быть: он отвергает всякое внешнее принуждение, формальный подход к делу, всякое навязывание детям чего-либо. Однако принцип свободы еще не раскрывает положительного содержания религиозно-воспитательного воздействия на детей, — а оно заключается в двух основных положениях. С одной стороны — только от огня можно возжечь в другой душе огонь, только те, для кого религиозная сфера полна жизни, смысла, является живым и подлинным центром их личности, могут сообщить юным душам то главное, что им нужно, — открыть перед ними не идейную ценность, не моральную высоту религии, но ее реальность, ее подлинную безусловную правду. С другой стороны — религиозное общение старших и младших может лишь тогда быть действенным и глубоким, когда оно включено в более широкое, дружеское общение. Религиозная сфера в нас наиболее нежна и целомудренна, — и религиозное общение с детьми возможно лишь для тех, кто находится в дружеской близости к отдельным детям вообще.

Я не буду дальше касаться этой темы и закончу лишь выражением своего убеждения, что наша, именно наша эмигрантская школа могла бы дать в себе место для того, чтобы подойти ближе к детям в самом важном и сложном духовном процессе, в них происходящем. Конечно, именно в этом пункте с особой ясностью встают границы школьного воспитания, как оно протекает при условии современного строя школы, но все же, хотя бы и с трудностями и с ошибками, не мало могла бы сделать и школа. Я могу лишь на это указать, не развивая подробно своих мыслей о путях школьного воспитания в указанном направлении¹⁰⁾: здесь мы подошли к порогу, перейти который не позволяет мне и смысл моей темы и ограниченность времени, предоставленного мне.

В. В. Зеньковский.

---

¹⁰⁾ Основоположения этой работы развиты мной в статье «О религиозном воспитании в семье». (См. «Вопросы религ. воспит. и образ.». Вып. III).